

Похоже, что жизнь сыграла с Иваном Бекешем злую шутку. На тридцать шестом году он взял да отчего-то и повесился. В предсмертной записке, написанной дрожащей рукой суицидента, было выведено всего три слова: «Будь ты проклята!» И дата. Восклицательный знак вышел у Бекеша какой-то корявый и неубедительный, больше похожий на некую вопросительную мямлю. Такая несуразная закорючка над пропастью его отчаянья.

Однако риторического вопрошания новоудавленник Ваня Бекеш петлей так и не захлестнул. Мало того, он даже не поставил точку, а ушел как-то бочком в мир иной, не разобравшись со своей жизнью и бросив обиженно, все еще сомневаясь: «Будь ты проклята?» Кому предназначались эти три слова — указания

в своей записке он так и не оставил, вовремя прикусив себе посиневший язык.

— Я думала, что он лампочку в люстре полез менять, осту-
пился, зацепился галстуком и... повис, — сказала, всхлипывая
и комкая носовой платок, жена Бекеша, повернувшись к опера-
тивникам.

С распущенными длинными волосами и с красными дики-
ми глазами навывкат, словно фурия, она стояла посреди неболь-
шой комнаты, заставленной антикварной мебелью и чучелами
животных, почти вплотную к висевшему на крюке с грустным
видом мужу. Мне стало немного не по себе от того, что она
так близко стояла к телу. Ведь, в конце концов, на крюке висел
не какой-нибудь там тюфяк для выбивания пыли. Хотя, ско-
рее всего, он — Ваня Бекеш — и был тюфяком. Под ногой у меня
что-то хрустнуло. Я посмотрел вниз — по полу рассыпаны та-
блетки, тут же лежала разорванная упаковка. Я прочитал назва-
ние, от транквилизаторов. Если это она их принимала, то дама
уже явно не в адеквате.

— А как же предсмертная записка, Зоя Семёновна? — это
спросил Олег Гаровой, старший опер нашего райотдела. Он стоял
в дверном проеме, в мешковатом бежевом вельветовом пиджаке,
и сильно походил на Страшилу. — И почему на ней дата недель-
ной давности? — Он внимательно посмотрел поверх узенькой
оправы очков на жену Бекеша.

Гаровой медленно перевел взгляд на клыкастую голову кабана,
которая смотрела со стены на все происходящее. Я понял, что Га-
равой и не сомневается в том, что последние слова покойника
были адресованы не этой наглой морде вепря, а именно жене.

— Да вы знаете, сколько у него этих записок?! — Зоя Семё-
новна бросилась на кухню. — Вот! — Она вывалила из выдвиж-
ного ящика на кухонный стол целый ворох предсмертных запи-
сок мужа. — Он писал здесь ночами, складывал в стол. Доставал,
перечитывал, все себя жалел.

— Ого! — Гаровой взял одну из записок и пробежал глазами. —
Кажется, он вас ненавидел со дня вашей свадьбы.

— Или даже раньше, — прошептал просунувшийся к столу
со своим чемоданом криминалист.

— Кстати, вы когда познакомились со своим мужем? — Видно было, что Олег все больше укреплялся в своем подозрении.

Зоя Бекеш отняла платок от глаз:

— В прошлом году, в июне. На дне рождения подруги.

— И он тогда стал жить у вас?

— Да. Привез стол, чучела эти... Чтоб их моль съела.

Зоя тщетно пыталась пригладить волосы.

— Я чего-то не понимаю, — криминалист вздернул густые брови домиком и показал записку Гаравому. — Судя по дате, двухлетней давности.

И тут я заметил, что много раз стреляный воробей сыска, капитан полиции Олег Гаравой, несколько растерялся.

— Знаете что? Давайте поступим так, — Олег взял у криминалиста полиэтиленовый пакет и сгреб в него все записки. — А там посмотрим. Санитары приехали? — бросил он в открытую дверь.

— Да...вроде, — неуверенно ответил ему сержант, стоявший в прихожей.

— Так чего ждете? Снимайте и грузите!

Жена Бекеша опустила на стул и громко зарыдала. Гаравой участливо налил ей из-под крана воды.

В квартиру, громко топая, с брезентовыми носилками ввалились хмурые санитары труповозки. Когда они разворачивали свой брезент в небольшой комнате, несколько раз толкнули тело висельника, и оно раскачалось, как рында в девятый вал. Остановили этот «маятник Фуко» грубо, за брючину. Один санитар попросил у вдовы кухонный нож и полез с ним к узлу на крюке, другой обхватил тело за ноги, но, видимо, не удержал его, и труп чурбаном грохнулся на пол. Вдова взвизгнула на кухне. Гаравой ругнулся. Санитары сделали вид, что так и надо, неспешно уложили тело Бекеша в брезент, взяли за лямки и подались делово, как вокзальные носильщики с Казанского вокзала.

Мы с Гаравым вышли следом. До оперативной машины Олег всю дорогу ворчал:

— Вот ничего нельзя доверить русскому человеку. Ничего у него святого не осталось кроме водки. Даже труп по-человечески в морг не могут доставить. Эти раздолбаи с веревкой на шею понесли.

Узенькие очки на толстом носу Гаравого смешно шевелились.

— Я слышал, что не надо оставлять веревку в доме повешенного.

— Ну, ты, Андрюха, сказал! Нет, надо за нее жмура в морг тащить, так?

В ответ я благоразумно промолчал. Знал, что в некоторых вопросах Олег уперт и обидчив, как ребенок. И еще, что он иногда зависает, как пиратская компьютерная программа. Надо было срочно сделать перезагрузку.

Reset.

— Ты обедал?

Олег помотал головой.

— Тогда, может, заедем по пути в столовую УВД, чтобы потом не получить несварение от этих вот твоих записочек?

— Не моих... — Олег блеснул очками и примирительно улыбнулся. — Я умру от старости в постели, в окружении кучи детей и внуков.

— Аминь. Так что, едем?

— Едем.

Мы сели в патрульный УАЗ, и уже ничто не могло скрепить нашу дружбу крепче, чем пара стаканов компота в столовой УВД.

Отобедав поостывшими щами и гречкой с котлетой «Юность», капитан Гаравой зашел в свой служебный кабинет, опустился на стул, снял очки и закурил. Я прицельно бросил в мусорную корзину китайскую зубочистку. За соседним столом под нимбом от настольной лампы сидел его молодой напарник, вчерашний выпускник академии Саня Веснин и что-то увлеченно писал. Он оторвал стриженную под ежик голову от своей писанины, взглянул на меня вишнево и приветливо улыбнулся.

Гаравой молча докурил сигарету, задавил окурок в пепельнице, вывалил из пакета на стол ворох прощальных записок Бекеша и сказал напарнику:

— Включай, Саня, чайник, сейчас «романы» будем читать.

— Что за «романы»? — спросил удивленно Саня и погладил свой ежик.

— Предсмертные записки, Саша. Приветы, так сказать, с того туманного берега.

— Так много? Ты их что, коллекционируешь? — Саня любил иронию.

— Нет, Санёк, только читаю. А ты давай быстренько позвони медикам, узнай о вскрытии трупа Ивана Бекеша.

— Это, что ли, автора всего этого? — Саня кивнул на записки.

— Да, — поморщился Гаравой. — Уверен, чтива мне до ночи хватит. Может быть, вы с Андрюхой почитаете?

Саня быстро сориентировался:

— Нет-нет. Лучше я буду звонить медикам.

— Давай. И о чайнике не забудь.

Гаравой повесил пиджак на спинку стула, тяжело вздохнул, надел очки и начал читать записки. Я подсел к его столу и взял первую попавшуюся.

«Вы мой поступок не поймете. Да, впрочем, мне это уже совершенно неважно. Прежде, когда я был человеком со своими маленькими и большими страхами, это было важно, чтобы поняли. А сейчас, когда вы читаете мою записку, я показываю вам из своей петли язык. Ну, как, красив ли я?..»

Дальше было уже понятно, куда понесло суицидента. Я взял другую записку.

«Когда вы станете читать эти строки, я буду далеко настолько, что и ветру меня не догнать. Ибо туда, куда теперь я направляюсь, нет ветра — только смрад серы. Бог не принимает самоубийц, и я сейчас лечу прямой дорогой в ад. Что я могу сказать вам, оставшимся прозябать на грешной земле? Предложить проделать тот же путь, что и я? Но тогда это бы лишило смысла существование Бога. Ведь если все нырнут головой в петлю, то Он, лишившись своих глупых овец, рассеется, как туман. Я не богоборец, я не хочу бросать вызов небесам, коль сам всю жизнь смотрел себе под ноги, боясь упасть в яму. Но это меня теперь уже не беспокоит — я проваливаюсь сквозь землю. И я сам выбрал этот путь...»

Я мысленно чертыхнулся: «Вот же кретин с непомерным комплексом Фауста». Надежда написать в газету о Бекеше что-то сносное таяла с каждой новой прочитанной запиской. Я взял следующую.

«У меня нет сожаления о том, что я оставляю ваш мир. За свою долгую жизнь я разучился о чем-то сожалеть. Так же, как

сочувствовать и сострадать. Последние десять лет я жил в полном одиночестве, в этом элизиуме теней, и не испытывал никакого со-единения ни с кем, никакого со-участия в чем-либо. Я был витриной магазина, вывеской «Не курить», мусорным ведром в туалете. Я только отражал прохожих, которые не обращали на меня никакого внимания, я просил не курить, но на меня плевали, я изучал в самом себе мусор, который вы выбрасывали в меня каждый день: обрывки туалетной бумаги, пустые пачки из-под сигарет, использованные тампоны. Я был биологической свалкой отходов вашей каждодневной неутомимой деятельности на благо идеи Большого Желудка. Единственное, что у меня осталось, так это выбор. И я его совершил. Это нетрудно: кусок намыленной веревки на крюк для люстры, двойной узел с пропущенной через него петлей — и вот нехитрое приспособление для увеличения длины шеи и путешествия по за-предельному. Я никогда не любил вас! И об этом нисколько не жалею. Потому что и меня не за что было любить!»

— Брр, — передернул я плечами. — Жуть какая-то. Как же он жил с такими мыслями?

Гаровой вздохнул и покосился на меня. Саня подал голос из своего угла:

— Олег, зачем вы это читаете? Ведь самоубийца, скорее всего. Не криминал. Сдавай, пусть следствие его само в архив определяет.

— Чего-то, Саня, не увязывается в этой истории с предсмертными записками. Жена говорит, что как только обнаружила труп, то тут же и позвонила. То есть сегодня, в субботу пятнадцатого. А предсмертная записка датирована седьмым. Это о чем-то говорит?

— Ну, м-м-м, — промычал неопределенно Саня, подняв глаза к потолку.

Гаровой не обратил внимания на то, что рассматривает его молодой коллега, и сам ответил на свой вопрос:

— А это говорит о том, что ответ надо искать вот здесь, — Олег указал на ворох записок. — Как бы ни оказалось, что наш покойник не обошелся без посторонней помощи.

Я вновь взялся за записки.

«Все чаще гнетет меня одна безобразная до банальности мысль: для чего я копчу небо? Что должен произвести я в этом мире, чтобы оправдать свое местопребывание «здесь и сейчас»?»

Есть вещи, которые мне уже неинтересны, и вещи, которые меня все меньше и меньше интересуют. Неужели я скоро превращусь в чеховскую свинью, которая хрюкает в одеяло? В редкое время, которое выкраиваю для творческой работы, я тупо смотрю перед собой, и мне в голову не приходит ни одна мало-мальски стоящая мысль. Ужели я все «пропил» или «профукал»? Что движет мной, что заставляет каждое утро заталкивать в брюхо завтрак? И, самое главное, для чего это мне? И я для чего этому? Депрессия. Все чаще приходит без спроса депрессия и садится у стола. Ничего не помогает. Нет, лучше уйти. Прощайте, и да хранит вас Бог!»

Все еще мало чего понимая в излияниях короткошеего путешественника по запредельному, я попросил поддержки у Гаравого:

— Олег, а кем он работал? Что-то больно жалостливо пишет о какой-то творческой работе.

Олег оторвал взгляд от записки.

— Таксидермистом он работал.

— Кем? — переспросил Саня из своего угла.

— Чучельником, — огрызнулся Гаравой.

Саня расхохотался:

— Чучельник в творческом кризисе намылил себе веревку.

Укатайка!

— Все, кончай треп, и не мешай. А то сам будешь до утра мне все эти записки перечитывать на память.

Саня притворно испугался:

— Нет, все. Молчу.

— Вот и молчи. К медикам дозвонился?

— Никто трубу не берет. Наверное, всем моргом вскрывают вашего висельника.

— Саша, мне нужен результат. Звони еще. Звони на мобильный.

— Уже, — Саня полез в карман за мобильником.

Веснин был в райотделе человеком застенчивым, новым, еще не обтершимся в текучке полицейского бытия. Хотя, как он сам мне говорил, до своего выпуска дважды проходил здесь практику. При разговоре с кем бы то ни было, не взирая на звезды, он всегда смешно морщился и сутулился. Он даже сигарету держал по-смешному. От Гаравого я знал, что Саня был немислимым

доброхотом, но все же несколько заторможенным. Олег важных дел ему пока не доверял, но, глядя на этого выпускника академии, мне думалось, что «пока» закончится еще не скоро.

На подоконнике забурлил и отключился чайник.

Саня налил в чашки кипятку, мы насыпали в них кофе и в патетическом молчании зазвенели ложечками. Олег без энтузиазма взял в руки следующую записку, провел ладонью по лысой макушке и удовлетворенно захмыкал.

Я навалился на стол и прочитал через его плечо:

«Я прожил бездарную жизнь. Прошу в этом никого не винить».

Ниже стояла дата и подпись. Гаравой отложил записку и задумчиво улыбнулся.

— Саша, я тебя просил еще раз позвонить медикам.

— Я позвонил.

— И что молчишь тогда? Вскрытие провели?

— Да. Смерть наступила пятнадцатого мая около семи часов.

Признаков насильственной смерти не обнаружено.

— Вот эта записка должна была лежать рядом с трупом. — Гаравой потряс запиской, как выигрышным лотерейным билетом. — А та — в столе. Видать, заигрался мужик с записками. Романист-чучельник.

И я четко увидел, как дерзнувший на страшный шаг чучельник стоит в нерешительности у кухонного стола перед разложенными рукописями и никак не может выбрать подходящую. Да уж. Жалкий, жалкий Романист.

Гаравой отодвинул записки, откинулся на спинку стула и посмотрел на перекидной календарь на стене.

— Сань!

— Что?

— Завтра денег дадут, а?!

— Ага. Заживем!

Мы втроем переглянулись и обменялись глупыми детскими улыбками. И я подумал о совершенно банальном и абсолютно непостижимом. О том, что вот оно как бывает в жизни: кому-то она «будь ты проклята», а кому — «денег дадут, заживем» — синоним шестого дня Творенья, когда Господь распростер свои руки над глиной и сотворил человека. И тот вот так сразу и зажил. С получки.

— Ну что, Андрюха, обкурим это дело? — Гаравой с хрустом потянулся и достал из кармана пиджака пачку сигарет.

Я пожал плечами — он знал, что я не курю.

На пол упал какой-то мятый клочок бумаги. Я поднял его и положил перед Олегом на стол. Он мельком взглянул на бумажку и спохватился:

— Ежки-кошки! Это же мне жена написала, чтобы я дочь из детсада забрал и молока купил. — Гаравой поднес к очкам наручные часы. — Горю, мужики! Все, меня уже нет! Саня, кабинет закроешь?

— Иди-иди, отец святого семейства.

За Гаравым хлопнула дверь.

А мы с Саней всезнающе усмехнулись друг другу — два холостяка, два бобыльбоя, только и знавшие о семейной жизни из таких вот записок — Бекеша и Гаравого.

***

Сумерки размыли контуры окна и высоких тополей за ним, пора было зажигать свет, а Зоя Бекеш все сидела и сидела в слезах в комнате у стола, сжимая на плечах черный платок, и шептала:

— Как ты мог? Ну как ты мог?

На нее с фотографии из-под траурной ленты смотрел улыбающийся муж. Он молчал, он уже все сказал пятнадцатого числа около семи часов.

— Я же тебе верила. Как че-ло-ве-ку! А ты? Ну Бог с ними, с записками этими, писал бы их да писал себе. Скажи, зачем ты меня предал? Зачем оставил одну?

Иван Бекеш молчал. Молчал и улыбался.

Зоя включила настольную лампу и посмотрела с тоской на потолок — с крюка свисал кусок веревки, на которой была взвешена такая недолгая и ничем не примечательная жизнь таксидермиста. И с самого кончика веревки, с этого места разрыва с жизнью, на чуть приметной серебристой паутинке спускался к ней крохотный паучок.

Зоя вытерла слезы:

— Ваня?